

Ростовщичество

Действительно, как среди иудеев, так и среди христиан ростовщичество осуждается и даже наказывается. Проценты, определяемые просто как компенсация, выплачиваемая кредитору должником за предоставленный ему капитал, — очень древнее понятие, которое, вероятно, восходит к шумерам и встречается также в других цивилизациях — древнеегипетской и древнеримской.

Напомним, что иудаизм, первая из авраамических религий, чётко запрещает давать деньги под проценты. Мы неоднократно встречаем в Торе тексты, осуждающие проценты, например, в *Исходе* 22:25-27, *Левите* 25:36-37 и *Второзаконии* 23:19-20.

Однако этот запрет распространяется только на займы, выдаваемые внутри еврейской общины. Во *Второзаконии* 23:19-20 говорится:

«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею.»

Изначально это правило действовало и у христиан. Только на **Первом Никейском соборе (325 г.)** дача займы под проценты была запрещена. В то время многие храмы управлялись **родами священнослужителей**, а прилегающие к ним замки принадлежали одному роду землевладельцев, причем часто родословные первых и вторых были связаны между собой. Ростовщичество, изначально осуждаемое в христианстве довольно умеренно, начиная с XIII становится серьезным грехом и жестоко карается.

Эксплуатация евреев

В Италии евреи поселяются ещё с античных времён. Они живут в зависимости от пап, герцогов, торговых республик. В Риме, на Сицилии, в Неаполитанском королевстве образуются большие общины, а папы иногда прибегают к услугам еврейских врачей. В XIII веке некоторые города предоставляют еврейским банкирам с папской лицензией монополию на ломбардное дело.

Венеция разрешает жительство евреям, но запрещает им заниматься какой-либо деятельностью, кроме выдачи ссуд под проценты. Поначалу евреи открыто и беззастенчиво обогащаются в Венеции, чем вызывают гнев остального населения.

Чтобы «защитить» евреев, дож Венеции создаёт первое «гетто» (венецианское слово), предоставив, надо отметить, самый грязный квартал в лагуне этому народцу, который он ненавидел, одновременно дорожа получаемым от него щедрым финансированием венецианских колониальных экспедиций и работорговли, которую «католическая» Венеция практиковала без зазрения совести.

«Венецианский купец»

В этом и заключается суть венецианской системы, которую Шекспир разоблачает в своей комедии «Венецианский купец». ³

Так, когда Антонио просит у Шейлока займы 3000 дукатов сроком на три месяца, он сначала уточняет:

*Займы я, Шейлок, денег не беру
И не даю, лихвы не одобряя.
Но так как в них нуждается мой друг,
То правило нарушу я.*

На что Шейлок отвечает:

*Синьор Антонио, неоднократно
Меня вы на Риальто попрекали
И золотом моим и барышом, -
Я пожимал плечами терпеливо:
Терпеть - удел народа моего;
Безбожником, собакой обзывали,
Плевали на еврейский мой кафтан,
И все за то, что пользу мне приносит
Мое добро. Пусть так. Теперь же вдруг
Я стал вам нужен. Вы ко мне явилась,
Вы говорите: "Денег, Шейлок!" Вы,
Плевавший мне на бороду, пинавший
Меня ногой, как гонят прочь с порога
Чужого пса... Вам денег подавай!
Что ж мне ответить? Не сказать ли вам:
Где денег взять собаке? Как же может
Займы три тысячи дукатов дать
Паршивый пес? Иль, может быть, я должен,
Едва дыша, согнувшись, раболепно
Пролепетать:
"Мой добрый господин, меня в ту среду
Пинком почтили вы, на-днях - плевком
И обзывали псом. За эти ласки
Я вас ссужу деньгами"?*

Реакция Антонио не менее эмоциональна:

*Смотри, не угостил бы я тебя
Опять плевком, побоями и бранью!
Не как друзей ссуди нас этой суммой,
(Когда же за металл неплодоносный
Решалась дружба с друга брать лихву?)
Нет, как врагов ссуди. Тогда ты сможешь -
Будь неисправны мы - спокойней с нас
Взыскать весь долг.*

Обмен мнениями между Шейлоком (слева) и Антонио, «Венецианский купец», ИИС, Театр «Глобус», Лондон

Шейлок не скрывает обиды:

*Ох, как вы горячитесь!
Как друг, хотел снискать любовь я вашу,
Забывать, как вы позорили меня,
Помочь в нужде вам и не взять за то
С вас ни гроша. Вы слушать не хотите!*

Шейлок, чтобы положить конец взаимной ненависти, предлагает ему займы (согласно иудейским и христианским правилам) как другу, без процентов. Но «добрый» католик Антонио отказывается дружить с евреем. Он утверждает, что в бизнесе не должно быть друзей, и требует, чтобы тот дал ему займы как врагу, потому что так легче наказать его в случае невыполнения условий договора.

Как сказал Черчилль, у империи нет друзей, есть только интересы. Этот принцип, позже сформулированный Карлом Шмидтом, стал правилом современной олигархии: чтобы существовать, нужен враг, и если его нет, давайте поторопимся его придумать!

Двойная игра венецианцев

Как видим, Шекспир подчёркивает лицемерие венецианской системы, процветание которой основывается на политических связях «выигравший-выигравший» не между друзьями, а между врагами.

Здесь следует вспомнить, что, хотя Венеция регулярно воюет с турками, здесь создаётся гетто для турецких купцов и даже действующее торговое представительство – Фондако деи Турки.

Вид на Венецию в 1486.

Если бы венецианского посла критиковали за торговлю с османами, угрожавшими Западу, он бы ответил: *«Как торговцы, мы не можем жить без них»*.

Османы продавали венецианцам пшеницу, специи, шёлк-сырец, хлопок и золу (для стекольного производства), а Венеция поставляла им готовую продукцию - мыло, бумагу, ткани и... оружие. Несмотря на категорический запрет Папы Римского, Франция, Англия, Нидерланды, а особенно Венеция, Генуя и Флоренция, продавали огнестрельное оружие и порох Леванту и туркам. ⁴

Левой рукой Венеция поставляет пушки и военных инженеров туркам, а правой – сдает по высоким ценам корабли в аренду христианам, желавшим с ними сражаться. Добавьте к этому соперничество с Генуей, которая заключила союз с **династией Палеологов**, но была разгромлена османами в пользу венецианцев.

В 1452 году, за год до падения Константинополя, венгерский инженер и литейщик Урбан (или Орбан), специалист по крупным бомбардам, поступает на службу к османам. «Эти пушки, - заверяет он султана, - настолько мощные, что способны разрушить «стены Вавилона». Что произошло дальше, мы знаем.

Дарданелльская пушка, отлитая в 1464 г. и основанная на бомбарде Урбана

Когда франки хотят арендовать корабли у Венеции для крестового похода, у них не хватает денег.

Нет проблем: Венеция находит подходящий вариант. Чтобы оплатить аренду кораблей, франкам предлагают сделать небольшой крюк по маршруту и начать крестовый поход с освобождения Константинополя, который Венеция хочет отвоевать у османов. И это работает! Венеция увеличивает число своих торговых факторий и военных баз в Константинополе, что расширяет её финансовую и торговую империю.

Фунт плоти

Столкнувшись с глупым и высокомерным ответом Антонио, Шейлок доводит логику до абсурда и в шутку предлагает: если вдруг долг не будет выплачен вовремя, то он имеет право взыскать с должника фунт плоти.

Это можно рассматривать как буквальное и нелепое толкование того, что было написано на «облигациях» или «долговых расписках» того времени. Антонио, убеждённый, что его корабли вернутся в Венецию вовремя и доставят ему, чем расплатиться с Шейлоком, принимает условия договора, почти смеясь над их сюрреалистичностью.

В этой сцене Шекспир ставит фундаментальный вопрос и преподносит нам прекрасный урок экономики в форме трагической и парадоксальной метафоры. В большинстве древних цивилизаций невозврат долга мог стать причиной рабства, стоить жизни или привести к пожизненному заключению. Таким образом, денежное рабство вело к рабству физическому.

Позже находим, к примеру, текст судебного иска 1567 года о долге между Конрадтом Шетцем и Яном Шпиринком, который хранится в архивах Антверпенского суда:

«Я, Ян Шпиринк, признаюсь и собственноручно заявляю, что я должен достопочтенному лорду Конрадту Шетцу сумму в четыреста фламандских фунтов, исходя из равной суммы, полученной мной от него к моему удовлетворению. Я обязуюсь выплатить упомянутому лорду Конрадту Шетцу или предъявителю настоящего документа полную сумму без каких-либо задержек четвёртого числа следующего месяца августа, закладывая себя и всё своё имущество ныне и в будущем. 11 июня 1565 года». Вы правильно прочитали: **«закладывая себя».**

В буквальном смысле, должник предоставляет себя в качестве залога кредитору. Напомним, что во Франции тюремное заключение для частных должников было установлено королевским указом **Филиппа Красивого** в марте 1303 года. За исключением двух периодов отмены, с 1793 по 1797 год и в 1848 году, лишение свободы должников сохранялось во Франции до его отмены в 1867 году.

В эпоху Возрождения христианский гуманизм Петрарки, Эразма, Рабле и Томаса Мора соединил сократовское представление о справедливости с понятием любви к ближнему, и возник новый принцип: **жизнь каждого человека священна и имеет неизмеримо большую ценность, чем любой финансовый долг.**

Именно пересмотр этого принципа превращает комедию Шекспира в драму. Постепенно зритель узнаёт, что все корабли Антонио стали жертвами штормов и других бедствий. То есть, у него нет необходимых средств для погашения долга в срок.

Венецианский купец вынужден согласиться с тем, чтобы Шейлок взял у него фунт плоти, как это предусмотрено в подписанной им долговой расписке... **долговом документе, утверждённом законами Республики.**

Шейлок готовится вырезать, как то предусмотрено долговой распиской, фунт плоти должника, венецианского купца Антонио. Окружающие негодуют от его кровожадности, но не от венецианского законодательства, позволяющего подобное.

Чтобы спасти жизнь Антонио, его друзья предлагают кредитору оплатить вдвое больше первоначальной суммы, но Шейлок, движимый чувством мести, отказывается слушать, ещё больше разгневавшись на то, что его дочь ушла из дома с молодым христианским купцом, прихватив с собой кругленькую сумму в дукатах и семейные драгоценности.

Шейлок жёстко отвечает дожу, который просит его о милосердии, что его требование – всего лишь желание исполнить закона. Попутно он замечает венецианцам, что они не имеют права давать уроки нравственности, раз уж в Венеции можно «покупать» людей:

*Какой мне страшен суд, когда я прав?
У вас есть много купленных рабов;
На них, как на своих собак и мулов,
Вы гадкую и рабскую работу
Взвалили, оттого что их купили.
Что, если б я сказал вам: "Дайте им
Свободу и наследниц ваших - в жены,
Они кряхтят под ношей, а должны бы,
Как вы, и мягко спать и сладко есть".
Вы мне б ответили: "Рабы ведь - наши".
Так я отвечу: дорого купил
Фунт мяса я, которого хочу.
Он - мой, и я иметь его желаю!
Откажете - позор законам вашим!
Тогда в Венеции бессильно право!
Так отвечайте: будет он моим?"*

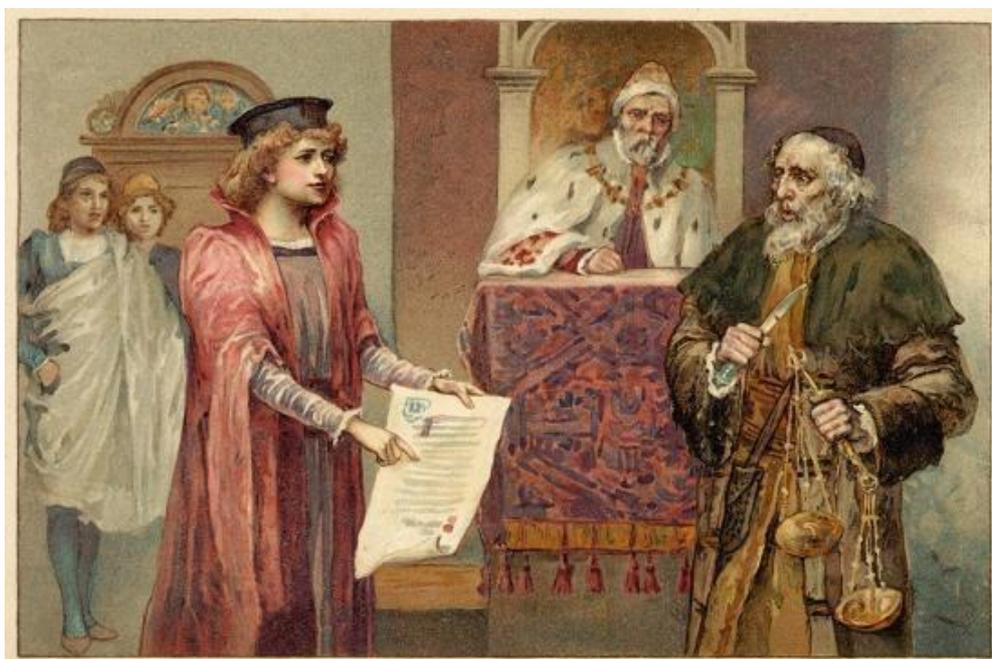
На это бессильный дож не возражает. Он сам должен подчиняться законам города. Единственное, что он имеет право сделать, – это позволить доктору права, изучившему дело, дать своё экспертное заключение.

Разворот ситуации

Здесь Шекспир выводит на сцену Порцию, которая, переодевшись правоведам и действуя во имя высшего принципа – любви к человечеству и добру, берёт слово. ⁵

Признав справедливость претензии Шейлока, она разворачивает ситуацию с той смелостью, которой нам не хватает сегодня. Говоря о долге, она отмечает важную деталь, касающуюся применения санкции:

*Тут в векселе ни слова нет о крови,
"Фунт мяса" - просто сказано и ясно.
Возьми же неустойку - мяса фунт,
Но если, вырезая фунт, прольешь
Хоть каплю христианской крови, - все
Твое именье, по венецианским
Законам, конфискует государство.*

Порция, переодетая доктором права, вступает в дело, чтобы найти счастливый выход.

Это ещё один замечательный урок, данный Шекспиром. Сколько прекрасных законов оказываются бесполезными просто потому, что их авторы не потрудились объяснить, как их применить на практике! Знаете ли вы законы, которые позволяют вам защититься от несправедливости, навязанной системой? Ведь если дьявол кроется в деталях, Бог порой совсем рядом. Вам решать, искать ли его.

Шекспир напоминает нам, что экономику нельзя свести к праву и математике. Каждый экономический выбор остаётся выбором общества. На самом деле, в наших университетах и театрах следует преподавать только «политическую экономию».

Рассмотрение сферы экономики и финансов как «объективной» реальности, а не как реальности человеческого выбора, — лучшее доказательство того, что мы подвергаемся пропаганде.

В заключение подчеркнём, что, в отличие от пьесы **Кристофера Марло** «*Мальтийский еврей*» (ок. 1589), главным действующим лицом в пьесе Шекспира является не злобный еврей Шейлок (как утверждали антисемиты, искажая своими постановками пьесу в тёмные периоды нашей истории), а убеждённый католик, Венецианский купец, который, как мы видели, использует евреев в своих корыстных целях.

Следует помнить, что в еврейском гетто Венеции евреям разрешалось заниматься только финансами, и ничем иным...

Наконец, в «*Венецианском купце*» Шекспир разоблачает безумную и преступную финансовую систему, умеющую использовать формальные толкования закона (видимая справедливость) для удовлетворения своей жадности (настоящая несправедливость).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Henry Famam, *Shakespeare as an economist*, p. 437, Yale Publishing Association, New Haven ; ↪
2. На эту тему: Sinan Guven, *Le conflit entre l'intérêt et les religions abrahamiques*, HEconomist, le journal des étudiants ; ↪
3. Все цитаты из «*Венецианского купца*» Шекспира даны в переводе И.Б.Мандельштама
4. Salim Aydoz, *Artillery Trade of the Ottoman Empire*, *Muslim Heritage website*, Sept. 2006 ; ↪
5. Приём «прометеевской» женщины, вмешивающейся под видом мужчины ради блага человечества, будет использован, в образе Леоноры, в опере *Фиделио*, единственной опере Бетховена ↪

Спасибо, что поделились!